

ПРОЛОГ

Мы с мамой частенько говорили о Бёрджессах. Мама называла их «дети Бёрджессы». Разговаривали мы в основном по телефону: я жила в Нью-Йорке, она — в штате Мэн. Иногда мы вспоминали их и при встрече, когда я приезжала в Мэн и останавливалась в гостинице. Мама редко бывала в гостиницах; мы любили усесться в номере, где по зеленому обоям тянулся бордюр из розовых цветочков, и болтать о прошлом, о тех, кто уехал из Ширли-Фолз, и тех, кто остался.

— Я тут думала про детей Бёрджессов... — начинала обычно мама, отодвигая занавеску и глядя на березы за окном.

Случившееся с Бёрджессами так на нее повлияло, потому что об их несчастьях знал весь город, к тому же

все трое когда-то учились у мамы в четвертом классе воскресной школы. Братья были ее любимчиками. Джим уже тогда отличался тяжелым нравом, но мама видела, что он пытается держать себя в руках. Боба она любила за доброту, а вот Сьюзан ей не нравилась.

— Насколько я знаю, Сьюзан вообще никому не нравилась, — говорила мама.

— Она была такая хорошенькая в детстве, — вспоминала я. — Кудряшки, глаза огромные...

— А потом родила чокнутого мальчика.

— Грустная история.

— В жизни полно грустных историй, — отвечала мама.

К тому времени мы обе уже овдовели, и после этих слов всегда воцарялось молчание. Потом я или мама замечала, как здорово, что Боб наконец встретил хорошую женщину. Вторая — и мы надеялись, что последняя, — жена Боба была священницей унитарийской церкви. Мама не любила унитариев, называла их атеистами, которые не хотят остаться без рождественского веселья, но Маргарет Эставер была родом из Мэна и потому казалась вполне достойным выбором.

— Боб ведь мог найти себе жену в Нью-Йорке, — говорила мама, — он прожил там столько лет. Вот Джим женился на этой снобке из Коннектикута, и посмотри, чем все закончилось.

Конечно, мы много говорили о Джиме, о том, как он покинул Мэн, поработав в отделе убийств прокуратуры штата, как мы надеялись, что он будет баллотироваться в губернаторы, и как неожиданно для всех он передумал. И конечно, мы часто вспоминали, каким он был в тот год, когда шел процесс над Уолли Пэке-

ром. Джим тогда что ни день появлялся в новостях. В ту пору еще только-только разрешили показывать судебные процессы по телевизору, и через несколько лет О. Джей Симпсон* в памяти многих затмил Уолли Пэкера. Но в тот год поклонники Джима Бёрджесса во всех уголках страны с восторгом следили за тем, как он добивался оправдания соул-певца Уолли, человека с добрым лицом, под чей хриплый голос («Сними с меня этот груз, груз моей любви») большинство моих ровесников впорхнуло во взрослую жизнь. Пэкера обвиняли в том, что он заказал убийство своей белой подружки. Джим добился, чтобы суд проходил в Хартфорде, где расовые вопросы стоят очень остро, и мастерски подобрал состав присяжных. Он безжалостно и красноречиво разнес все аргументы обвинения, продемонстрировав, насколько обманчива та материя, в которой переплетаются — или, по утверждению Джима, не переплетаются, как в данном случае, — основные составляющие преступления: намерение и действие. В федеральной прессе даже появились карикатуры на эту тему. На одной из карикатур была изображена женщина, которая смотрит на беспорядок в гостиной, а ниже стояла подпись: «Если мне хочется, чтобы в комнате было чисто, когда же в ней наконец станет чисто?» Судя по опросам общественного мнения, большинство людей — и мы с мамой в их числе — считали, что Уолли Пэкер виновен. Но Джим

* Орентал Джеймс Симпсон — знаменитый игрок в американский футбол, которого в 1994 г. обвинили в убийстве жены и ее любовника. В итоге Симпсона оправдали — согласно распространенному мнению, лишь благодаря мастерству его адвокатов из т. н. «команды мечты». — *Здесь и далее примеч. перев.*

прекрасно выполнил свою работу и прославился. (Несколько журналов упомянули его в числе секс-символов 1993 года, и даже моя мама, которую вообще коробило от слова «секс», не стала выражать досады по этому поводу.) На ведущих телеканалах обсуждали, что О. Джей Симпсон хочет видеть Джима в своей «команде мечты», лагерь Бёрджесса воздержался от комментариев, и все решили, что Джим почивает на лаврах. Процесс над Пэкером стал для нас с мамой основной темой для разговоров в тот период, когда мы обе были не слишком-то довольны друг другом. Но это уже в прошлом. Теперь, уезжая из Мэна, я целовала маму и говорила, что люблю ее, и она отвечала мне тем же.

Однажды я позвонила ей из Нью-Йорка, стоя у окна своей квартиры на двадцать шестом этаже и любуясь, как опускаются сумерки и на раскинувшемся вокруг меня поле высотных зданий светлячками вспыхивают вечерние огни.

— Помнишь, мать водила Боба Бёрджесса к психотерапевту? — спросила я. — Дети болтали на площадке, что Бобби ходит к доктору для психов.

— Дети — это кошмар, — сказала мама. — Вот ей-богу.

— Ну, в то время в наших краях не было принято ходить по психотерапевтам, — заметила я.

— Да, сейчас все иначе. Я общалась с людьми на танцах — многие таскают детей к мозгоправу и пичкают таблетками. И не считают нужным держать это в секрете.

— А ты помнишь отца Бёрджессов?

Я не раз ее об этом спрашивала. Мы с мамой любили говорить об одном и том же.

— Помню. Высокий. Работал на фабрике. Вроде начальником цеха. А потом она осталась совсем одна.

— И больше никогда не вышла замуж.

— Никогда... — повторила мама. — Не знаю, были ли у нее шансы. Все-таки трое маленьких детей. Джим, Боб и Сью.

* * *

Дом Бёрджессов стоял примерно в миле от центра города. Довольно маленький — впрочем, почти все дома в той части Ширли-Фоллз были маленькими или, по крайней мере, небольшими. Желтый домик на краю поля, весной становившегося таким ярко-зеленым, что девочкой я мечтала превратиться в корову и весь день жевать влажную сочную траву, до того она казалась вкусной. Правда, на этом поле не было ни коров, ни даже огородов. Просто кусочек деревенского простора рядом с городом. Летом я порой видела, как миссис Бёрджесс тянет поливочный шланг вокруг куста, но дом стоял на холме, и ее фигурка всегда была далекой. Папа махал ей, когда мы проезжали мимо, а она никогда не отвечала на приветствие — скорее всего, просто не замечала.

Принято считать, что маленькие города так и бурлят сплетнями, но ребенком я почти не слышала, чтобы взрослые о ком-то судачили. Случившееся у Бёрджессов было воспринято так же, как и другие трагедии. Вот, например, бедняжка Банни Фогт свалилась с лестницы в подвал и нашли ее только через три дня; у миссис Хэммонд доктора обнаружили рак мозга, не успела она проводить детей в колледж; дурочка Энни Дэй